

ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

П. В. СОЛОВЬЁВ

*канд. юрид. наук, декан юридического факультета,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
г. Новополоцк, Республика Беларусь*

Сегодня можно констатировать, что цифровизация затрагивает и проникает во все институты права, и юридическая ответственность здесь не является исключением. Перед юриспруденцией возникают новые вопросы развития института юридической ответственности в условиях цифровизации. В первую очередь, это появление новых общественных отношений в силу процессов цифровизации, что влечет и появление новых объектов правовой охраны в рамках института юридической ответственности. Это, например, появление в уголовном и административном законодательстве Республики Беларусь составов, направленных на охрану общественных отношений в сфере оборота персональных данных. По ряду вопросов ещё необходимо сформулировать уголовно-правовую, административно-деликтную и гражданско-деликтную позиции: например, ответственность за криптовалютные мошенничества; ответственность за необеспечение достаточных мер по киберустойчивости критической инфраструктуры и защите информации; особенности возмещения убытков от киберинцидентов; ответственность за недоступность критически важных цифровых сервисов; ответственность за создание дипфейков (т.е. генерирование нейронными сетями аудио-, фото-, видеоматериалов с подменой лиц); нарушение авторских прав в цифровой среде, в т.ч. системами искусственного интеллекта; и др.

Однако, как представляется, институт юридической ответственности может быть подвергнут более глубинным трансформациям в условиях цифровизации. Обозначим ряд возможных направлений.

Субъекты юридической ответственности. В настоящее время в юридической науке активно ведутся исследования проблем о возможном изменении субъектного состава правовых отношений. Основная часть таких изысканий сконцентрирована на вопросе о потенциальной возможности признания правосубъектности за системами искусственного интеллекта. В этой связи в юридической доктрине активно ведется разработка категории «электронное лицо» [1; 2], под которой понимается юридическая конструкция, предполагающая предоставление определенной правосубъектности системам искусственного интеллекта. Как представляется, преждевременно говорить о сформированности в праве такого субъекта как «электронное лицо» и других подобных конструкций. На данный момент следует четко определить, кто из триады разработчик – владелец – оператор отвечает за вред, причиненный системами искусственного интеллекта (беспилотные автомобили, медицинские системы искусственного интеллекта и др.).

При этом, на наш взгляд, распространение систем искусственного интеллекта в различных сферах общества уже требует разработки института квази юридической ответственности в отношении таких систем. Например, здесь может идти речь о выработке правил ограничения, временного блокирования, удаления систем искусственного интеллекта при наличии угроз правопорядку.

Также требуется достижение большей правовой определенности в вопросах юридической ответственности в контексте функционирования различных цифровых платформ (социальные сети, метавселенные, маркетплейсы, сервисы такси и т.п.): через четкое определение границ ответственности владельцев платформ, разработчиков платформ, пользователей платформ. Это вопросы ответственности за контент и действия пользователей; защита персональных данных; обеспечение идентификации пользователей; сбор, фиксация, хранения и представление электронных доказательств, формирующихся в процессе функционирования цифровых платформ и др.

Санкции юридической ответственности. Более сложный вопрос – это формирование новых санкций для достижения целей юридической ответственности. Здесь можно вести речь о необходимости разработки таких новых видов санкций:

- локировка доступа к различным цифровым активам: запрет на доступ в сеть Интернет; запрет на доступ к различным сайтам или к отдельным конкретным функциям сервисов (например, запрет на монетизацию контента, ограничение охвата публикаций в соцсетях, запрет на участие в рекламных сетях); ограничение на использование цифровых устройств и цифровых технологий;

- запрет на использование физическим лицом или юридическим лицом социальных сетей, маркетплейсов, стриминговых платформ, магазинов приложений; запрет на регистрацию на таких платформах, временная блокировка или удаление аккаунтов, снижение охвата контента нарушителя и др.

- блокировка цифровых активов: "замораживание" криптовалютных средств, NFT, токенов на блокчейне, что, разумеется, требует сложных технических механизмов и международного сотрудничества.

Такие новые санкции могут найти свое воплощение в рамках законодательства об уголовной, административной, гражданско-правовой ответственности.

Процессуальная сторона юридической ответственности. Однако, важно обратить внимание, что эффективность юридической ответственности на практике зависит не только от наличия материальных норм, закрепляющих составы правонарушения и санкции за их совершение, но и от уровня процессуальной урегулированности. Как представляется, в свете введения новых мер юридической ответственности имеется необходимость уточнения норм о стадиях привлечения к ответственности, участниках процесса, их правах и обязанностях (в т.ч. о субъектах, уполномоченных на привлечение к ответственности), о порядке обжалования и реализации мер ответственности и т.д.

В условиях цифровизации дополнительными процессуальными принципами юридической ответственности станут: скорость, автоматизация и адресность применения. Многие санкции могут применяться почти мгновенно и алгоритмами цифровых платформ, точно воздействовать на конкретного цифрового актора.

В этой связи, обращает на себя внимание и вопрос возможного появления электронных государственных органов [3]. Как представляется, возможен переход отдельных государственных органов полностью в цифровую среду, т.е. государственный орган из физической оболочки (административное здание, почтовый адрес, номера стационарных телефонов, график личного приема и т.д.) будет перенесен в цифровую среду (цифровая платформа взаимодействия государственного органа с гражданами и юридическими лицами, должностных лиц между собой и с другими государственными органами, доменное имя, e-mail, аккаунты в социальных сетях, в т.ч. для обращений граждан и юридических

лиц т.д.). В данном случае мы говорим лишь об изменении внутренней организации государственного органа и формы взаимодействия с иными участниками правоотношений, но с точки зрения кадрового устройства – изменений нет: электронный государственный орган состоит из государственных служащих – физических лиц, которые занимают государственные должности и осуществляют посредством цифровых инструментов государственно-властные полномочия.

В то же время, в рамках цифровой трансформации государственных органов речь может идти и о создании цифрового должностного лица, под которым мы понимаем уже не физическое лицо, а систему искусственного интеллекта, осуществляющую государственно-властные полномочия. Например, рассмотрение обращений граждан, осуществление административных процедур и привлечение, например, к административной ответственности. На наш взгляд, это даже не требует пересмотра парадигмы о субъектах права, так как можно вести речь не о признании искусственного интеллекта субъектом права, а только лишь о признании его инструментом осуществления государственных функций. Правоотношения также будут возникать между государством и гражданами (или юридическими лицами).

В свою очередь, правовым основанием такой правоприменительной деятельности может стать машиночитаемое и машиноисполняемое право. Например, цифровой нормативный правовой акт, который изначально создается, публикуется и существует в цифровой форме, структурированной для машинного чтения и обработки. Если на данный момент машиноисполняемое – почти футуристический сценарий развития современного права, и здесь есть ряд сложных технических, юридических и этических аспектов, то машиночитаемое право – вполне обозримое будущее развития правовой системы и может решать ряд важных вопросов:

- автоматизированный поиск норм, подлежащих применению;
- проверка состава правонарушения (формальное соответствие или несоответствие);
- соблюдения процессуальных сроков;
- определение вида, меры санкции;
- и др.

В заключении важно отметить, что будущее юридической ответственности – это формирование сложной гибридной модели, которая будет сочетать традиционные правовые механизмы с высокотехнологичными инструментами воздействия. Важным моментом здесь является обеспечение правовой определённости, которая аккумулирует в себе такие важные условия конституционного правопорядка, как отсутствие пробелов, коллизий, двусмысленных и неоднозначных правовых норм; согласованность и системность нормативного массива.

Правовая определённость в институте юридической ответственности, который «цифровизируется» как и все право, будет способствовать защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, обеспечению интересов и ценностей общества, порядку функционирования государственной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морхат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : монография / П. М. Морхат. – Москва : Буки Веди, 2017. – 257 с.

2. Морхат, П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо / П. М. Морхат // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 2. – С. 61–73.
3. Соловьёв, П. В. Цифровая трансформация субъектов правоотношений: электронное юридическое лицо, электронный государственный орган, цифровое должностное лицо / П. В. Соловьёв // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2024. – № 3. – С. 111–114.